

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ВАСИЛЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
barcarola@list.ru

ЛЕКСЕМА *КОЖА* И ЕЕ ДЕРИВАТЫ В СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – показать методику описания семантики и фразеологии в историческом толковом словаре на материале лексемы *кожа*, разработанной в последнем составленном выпуске Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Многочисленность источников Словаря и его концепция полноты описания материала позволяют авторам подробно отражать семантические и грамматические особенности лексики описываемого периода, что делает каждую словарную статью достаточно представительной и отражает новизну подхода к материалу. Слово *кожа* и его дериваты зафиксированы в источниках Словаря более чем в 570 документах и почти в 30 устойчивых сочетаниях, что позволяет говорить об актуальности описываемых реалий для Московской Руси, стоящих за этими словами и словосочетаниями. Анализ собранного материала воспроизводит достаточно полно как одну из сторон жизни и быта Московской Руси, так и один из фрагментов лексической системы старорусского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексема *кожа*, историческая лексикология, историческая лексикография, многозначность, фразеология, Словарь обиходного русского языка Московской Руси

Д л я ц и т и р о в а н и я : Васильева О. В. Лексема *кожа* и ее дериваты в Словаре обиходного русского языка Московской Руси // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 102–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.773

ВВЕДЕНИЕ

Лексика русского языка XVI–XVII веков, подробно описываемая в Словаре обиходного русского языка Московской Руси (далее – Словарь, СОРЯ), вызывает несомненный интерес, поскольку доносит до нас сведения о жизни, быте, мыслях, представлениях и языке наших предков самого конца донациональной эпохи. С этой задачей успешно справляются и однозначные слова, такие как *аманат* (заложник¹), *бумазья* (хлопчатобумажная ворсистая ткань²), *выбранец* (кого выбрали для отправки на военную службу³), *годовать* (нести службу где-л. вне дома в течение года⁴), *двоепущный* (полученный двойной перегонкой⁵), *завсе* (постоянно, всегда⁶), *изрог* (отдельно стоящая возвышенность⁷) и другие, тогда как каждое многозначное слово содержит целый комплекс разнообразной информации о прошлом. Для анализа семантической и словообразовательной деривации рассмотрим такой полисемант, как *кожа*. По мнению В. В. Виноградова, «только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка может быть воссоздана вся картина изме-

нений значений и оттенков слова» [1: 7]. СОРЯ, следуя концепции, разработанной Б. А. Лариным и состоящей в исчерпывающем описании лексем, вносит свой вклад в решение такой глобальной задачи, как реконструкция лексической системы русского языка, в рамках XVI–XVII столетий.

ЛЕКСЕМА *КОЖА*

Как известно, слово *кожа* общеславянское, было образовано в праславянском языке от имени сущ. *коза* при помощи суффикса со значением притяжательности *-j-* и имело первоначальное значение ‘козья шкура’. По данным словарей древнерусского языка, лексема активно употреблялась с самого начала письменности на Руси, представлена в текстах разных жанров. Так, в Словаре И. И. Срезневского на слово *кожа* даются цитаты XI века, в которых лексема зафиксирована в следующих значениях: ‘шкура животного’ (уже снятая), ‘такой материал, приготовленный для писания книг или для их переплета’, ‘оболочка’⁸. В Словаре древнерусского языка XI–XIV веков статья на слово *кожа* разработана следующим образом: 1. ‘кожа, шкура (наружный покров человека или животного)’.

2. ‘специально обработанная или необработанная шкура животного’, где выделяются оттенками ‘кожаный переплет’ и ‘оболочка, покрытие’⁹. Примечателен синкретизм, зафиксированный в обоих приведенных значениях, который отмечается некоторыми исследователями и для более поздних периодов бытования данного слова [5: 16].

К XVII веку, по данным Словаря русского языка XI–XVII веков¹⁰ и СОРЯ, имя сущ. *кожа* сохраняет все свои древнейшие значения, а также развивает ряд новых, образуемых как путем метонимического, так и метафорического переноса.

Безусловно, этимологически первичным является значение ‘шкура животного’, и для языка старшего периода, возможно, вполне правомерно объединение в одном значении ‘кожи’ и ‘шкуры’ – ‘наружного покрова человека и животного’, однако для языка XVI–XVII веков это уже самостоятельные значения. Разводятся они в Словаре русского языка XI–XVII веков (где представлены 1-м и 3-м значениями слова), разводятся и в СОРЯ.

Для лексемы *кожа*, по данным текстов – источников СОРЯ, выделяются следующие значения: 1) наружный покров тела человека, 2) наружный покров тела животного, шкура, 3) такой покров (с шерстью или без шерсти), снятый с животного, чаще выделанный, 4) кора и луб древесных растений, 5) верхнее покрытие стебля травянистых растений, 6) мешок, бурдюк из шкуры животного, 7) накидка, чем покрывают, укрывают что-л., 8) оболочка для чего-л. Кроме того, данное слово употреблялось как имя собственное (прозвище мужчины).

Первое значение в СОРЯ подтверждается выразительными цитатами:

*Частое сырого луку прикладание на тѣло дѣлаетъ пузыри на кожи*¹¹. *Из чужой кожи ремень добро вырѣзать – не болит*¹². *Чудеса которые в Горнѣгузене у здраваго колодезя чиняцца... у иных людей которые горбатые хрепты имѣли и спина у них пряма стала а кожа гдѣ горбъ был обвисла какъ порожная мошна*¹³. *Где ся у святаго отца кожа возьмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная*¹⁴.

Отмечаем и нетипичную для этого значения грамматику – употребление во множ. числе:

*И люди твои [И. И. Киреевского] смеютца ужо де здѣс и иконикъ станет лапти плести и я [иконописец] то вижу над собою что ис сапоговъ в лапти обуваюсь и кожи х костям присушили*¹⁵.

Следует заметить, что автор данного текста – иконописец, нанятый И. Киреевским, был чело-

веком не только грамотным, но и лингвистически одаренным, все свои беды и лишения описал подробно и выразительно:

*Жить невозможно с воды одной мнѣ сыту не быть. праздникъ свѣтлое хрстово воскресие кто пива и браги варит а у меня квасу нѣ было ни заговѣтца ни розговѣтца было нѣчем. Только посмѣище людское всякъ дивится чем мы живимся кто лапти плететъ тот слаще нас пьет*¹⁶.

Так и в приведенном выше фрагменте представлено не только нетипичное употребление слова *кожа* в этом значении во множ. числе, но и ряд выразительных образов (*из сапогов в лапти обуваюсь и кожи к костям присушили*).

Далее отмечаем, что это значение реализуется в источниках Словаря в целом ряде фразеологизмов: *оболочен смертною кожею* ‘является смертным’, *слаться на чью-л. кожу, даваться на пытку против чьей-л. кожи, иматься кожу на кожу меж себя, иматься за кожи с кем-л.* ‘клясться под страхом пытки’. Первое устойчивое выражение церковно-книжное, все последующие – деловые. *Оболочен смертною кожею* – так пишет о себе боярин Андрей Шуйский, прося Новгородского архиепископа Макария о помощи – заступничестве перед Иваном Грозным в 1538 году. Не только этот образ, но и все письмо в целом выдержано в церковно-книжной стилистике, тогда как остальные указанные фразеологизмы имеют ярко выраженный деловой характер и встречаются в памятниках исключительно деловой письменности (таких, как «Слово и Дело государевы» и «Памятники деловой письменности XVII века, Владимирский край»). Выражение *слаться на чью-л. кожу* имело значение ‘клясться под страхом пытки’:

*И в розпросе гсдрѣ и на очной ставке Андрѣи Сабуров в своих драных писмах слался на свою Андрѣеву и на Ортюшкину кожи*¹⁷. *Дѣвка Марица шлетца сверхъ тѣх ссылак на свою и на ево кожу Максимка Скрыпкинъ против еѣ ссылки на свою и на еѣ кожу слался жѣ*¹⁸.

Примечательно, что дающий такую клятву шлется не только на свою кожу, но и на кожу другого человека, выступающего в качестве второй стороны в разбирательстве. Такая же двусторонняя оппозиция характерна и для других деловых формул, синонимичных приведенной:

даваться на пытку против чьей-л. кожи (Да Осипка жѣ билъ челомъ, чтобъ государь велѣлъ того его человекѣ Пахомка дать на пытку, что онъ его, Василья, тѣмъ не поклепалъ, а противъ его Пахомковы кожи дается самъ на пытку)¹⁹,

иматься кожу на кожу меж себя (И на очной ставкѣ Мишка Гнutoй съ товарищи сказали: Говориль де ты, Демка, про государя то непригожее слово? И Демка сказалъ: Я де такого непригожаго слова про го-

сударя не говариваль. И въ томъ твоємъ государевѣ делѣ имались межъ себя кожу на кожу²⁰),

иматься за кожи с кем-л. (И тѣ луховские посадские люди Кириушка и Емелка на очную ставку с ним Аришуткою ставлены и онѣ ево на очной ставкѣ тѣмъ уличали а он Аришутка в том во всемъ запырался и жена ево Аришуткина ево ж уличала как дѣ он муж мои Янкѣ пособлял а я дѣ всѣ то видела и он Янка сверхъ улик ималис за кожи с ним Аришуткою чтоб ты великий гсдрь их пожаловал и велел мѣж ими розыскат пыткой и я холоп твои [Г. Кайсаров] ево Аришутку и Янку велел пытать²¹).

Так что если в письме Шуйского к архиепископу представлена метафора, отражающая религиозное представление о брэнном человеческом теле как оболочке для бессмертной души, то в деловых памятниках устойчивые обороты недвусмысленно говорят о пытке как методе выяснения правдивости утверждений той или другой стороны. Наличие всех приведенных фразеологизмов в языке XVI–XVII веков подтверждает правомерность разведения таких лексико-семантических вариантов, как ‘наружный покров тела человека’ и ‘наружный покров тела животного, шкура’.

Значение ‘шкура животного’ подтверждается, например, такими цитатами:

А коли де бываютъ повѣтрѣ на скоть, на лошади или на коровы, и мертвой де скоть надобно закапывать въ землю со всѣмъ, а толко де въ землю не закапывать или стануть кожи одирать, и отъ того де бываетъ повѣтрѣ на люди²². Козел платит кожею з бородою а виноватой своею головою²³.

На базе этого значения в языке XVI–XVII веков также начинают формироваться устойчивые выражения, восходящие к библейскому тексту: *покрыться чьей-л. кожей, облечь какую-л. кожу, в кожи облечься* ‘выступить в чьем-л. обличьи, притвориться кем-л., каким-л.’, *как волк в овчей коже ходить* ‘о лицемере, коварном человеке, который скрывает дурные намерения под маской добродетели’.

А онѣ убо [Исидор], покрывся овчею кожею, пестроту же яко рысь внутрь имѣя (но она убо пестроту внѣ нося, а сей въ сердци своемъ), показуя себе пастырь овцамъ, а дѣла своя подобна волку²⁴. А у испанского изстари таков обычаи: какъ он видит, что ему львовой кожи одолѣти немочно, и он облечет лисью кожу²⁵. Нестъ се священник, но злый льстецъ и поругатель себе и волк на божественныя люди, в кожи обличенный²⁶. Подобно и здѣ въ Велицѣй России прежде сего бысть, при святѣйшемъ патриарсѣ Никонѣ, начаша нѣщии церковь смущати... изъ нихъ же овии умроша, овии же им доселѣ пребываютъ, прикрывшися лестнокаяниемъ, яко волци посредѣ стада во овчихъ кожахъ ходять²⁷.

Волк в овечьей коже – образ, представленный в Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 15). Однако

это не дословная цитата из Нагорной проповеди, в которой Иисус Христос произнес: «Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы». Вместе с тем образ овечьих одежд на хищных волках, как и многие другие новозаветные образы, стал настолько популярным, что метафора со временем упростилась, и вместо овчих одежд в устойчивом выражении русского языка закрепилась овечья шкура. Заметим, что в книжных текстах Московской Руси, начиная с произведений Ивана Грозного и Андрея Курбского, в этом и сходных выражениях последовательно употребляется слово *кожа*. Более того, библейская метафора, как кажется, дает толчок появлению других образных сочетаний, представленных в текстах XVII века, – *львовая кожа* (о силе), *лисья кожа* (о коварстве): *А у испанского изстари таков обычаи: какъ он видит, что ему львовой кожи одолѣти немочно, и он облечет лисью кожу²⁸.*

Необходимо отметить, что и здесь, на базе второго значения, как и на базе первого, встречается не только книжное, библейское выражение, но и совершенно другое по стилистике, происхождению и употреблению – *не словя медведя кожу его продать*, которое впоследствии трансформировалось в известный оборот *делить шкуру неубитого медведя*:

А хотя нне цесар и корол испанской крстьянской мир розделили меж собою может быт что над ними такъ же учинитца какъ над тѣмъ которые не зловя медвѣдя кожу ево продали²⁹.

Примечательно, что данное выражение пришло в русский язык из французского, где еще до басни Лафонтена, в которой охотники запродали медвежью кожу раньше, чем поймали медведя, существовала пословица «Не следует продавать шкуру медведя, пока он еще не убит»³⁰.

Третье значение лексемы необычайно богато разного рода сочетаниями; определения при слове *кожа* указывают на разновидности такого покрова в зависимости от: а) вида животного: *бычья, козья, овечья, коневая, коровья, нерпенья, оленья, белужина, ворвань* (снятая с морских млекопитающих) и мн. др.; б) от вида и возраста животного: *кожа выросток* (шкура годовалого теленка), *кожа конжеевая* (шкура тюленя-детеныша), *лысанья* (шкура трехгодовалого тюленя), *яловичная* (шкура коровы старше полутора лет); в) от способа и стадии обработки: *сырая, неделаная, мостовая* (кожа крупного скота, выдубленная, но еще не отделанная), *деланая, дубленая, задубная, мятильная* (кожа, выделанная без дубления, вымачиванием

в кислом растворе и последующим разминанием), *сыромятная, розваль* (выделанная бычья кожа низкого сорта), *мякотинная, иреиная, мячильная* (кожа мягкой выделки); г) от окрашенности: *красная* (окрашенная), *белая* (неокрашенная); д) от назначения (*сапожная, подошвенная, уледная, передовая, барабанная*). Как отмечают историки, в XIV–XVI веках «полностью раскрылось своеобразие кожевного ремесла в русских городах. Совершенствуется технология выделки кожи, расширяется сортамент кож разного качества и назначения»³¹, который и отражается в текстах того периода многочисленными приведенными словосочетаниями.

Хотя тем или иным способом обработанная кожа является уже материалом для изготовления, в частности одежды и обуви, эта лексема не рассматривалась при описании лексико-семантической группы «Материал для изготовления одежды» в древнерусском языке [3: 134]. Вместе с тем исследователи отмечают тот факт, что в деловых текстах старорусского периода представлены лексемы, обозначающие кожу, так или иначе обработанную (*яловка, юфть*) [2: 25].

Кожа издавна использовалась для отделки книг и других предметов. Материал СОРЯ дает многочисленные этому подтверждения:

*Три Евангелия воскресные толковые в десть, одно из них переплетено кожею в затылок*³². *Да трои Часы царския, переплетены в кожи без доск, в полдесть*³³. *Судебники в коже, в полдесть*³⁴. *Крест воздвизалной, цки серебряны, золочены... у креста влагалище деревяное в коже*³⁵. *Три ризницы съ замками, поволочены кожами, окованные*³⁶. *Венец и цата резные золочены... в ките, киот в затворы, оболочен кожею красною*³⁷. *А тѣ арбы были на колесахъ и щиты деревянные, кожами поволочены*³⁸. *Зимней властелинской возокъ обить кожею дачи Михаила Максимовича Нащокина взят во Псков в архиерейской домъ*³⁹.

Как видим, сфера использования отделочной кожи была необычайно широка.

Значения с 4-го по 8-е, оставшиеся в истории русского языка и не столь широко представленные в источниках Словаря, как предыдущие, тем не менее весьма интересны в плане развития полисемии. Они являют собой метафорические и метонимические переносы на разные оболочки, покрытия и емкости. Так, 4-е значение – это ‘кора и луб древесных растений’, а 5-е – ‘верхнее покрытие стебля травянистых растений’. То есть мы видим, что сема оболочки, покрытия здесь остается, меняется лишь денотативная отнесенность. Оба значения подтверждаются примерами только из одного памятника – Назирателя – переводной книги XVI века, восходящей через польское посредство к латинскому произ-

ведению XIV века, являющейся руководством по сельскому хозяйству и садоводству и содержащей медицинские и некоторые другие советы.

*Дерево от мѣста студеного и от старости зело затверждается и кожу имѣет зело толстую*⁴⁰ (здесь значение ‘кора дерева’). *Есть же и на древесех двоя кожа, едина верхняя грубая или толстая, которую лубомъ нарицають, другая исподняя которая бывает зелена. а иногда же бѣлая. а тую нарицають мязгою*⁴¹ (здесь значение ‘кора и луб дерева’) *Кожа ж... травная, не есть такъ из жилкохъ тонкихъ совокупленная, как звѣрская*⁴² (здесь значение ‘оболочка стебля травянистых растений’).

Периферийным значением слова *кожа*, образованным на основе метонимии, является ЛСВ ‘мешок, бурдюк из шкуры животного’:

*Купель Силоамля, отъ града саженой съ двѣсти... надъ нею учиненъ сводъ каменный; емлютъ ту воду въ городъ, возятъ въ кожахъ на ишакахъ*⁴³. *Ѣхал... колмогорецъ Яков Собакинъ с нимъ в двухъ кожахъ по смѣте четьрнатцать рыбъ чиров и пеледеи свѣжыхъ*⁴⁴.

Приведенные цитаты датируются XVII веком, тогда как сочетание *кожа вьючная* с этим же значением встречается в текстах начала XVI века: *Четыре седла вьючные, да четверы сумы, да четьре кожи вьючные. Да седло лятцкое, да седло вьючное, да сумы, да кожа вьючная*⁴⁵.

Другое периферийное метонимическое значение – ‘накидка, чем покрывают, укрывают что-л.’: *Привели на дворишка мой... двоих лошадей кобылу и бѣгу да кобылу гнеду с телѣги да кожу что накрывают возы*⁴⁶. В этом значении выделяем употребления, поскольку оснований для выделения производных значений недостаточно.

‘О верхе повозки из такого материала’: *Съ Конишенного двора рыдванъ подѣ кожею*⁴⁷, ‘О шатре из такого материала’: *Царь... татарский живет во граде Перекопи... отнюду же и татар сих перекопскими называют. Иже живут в полях под кожами скотскими, ничтоже ведущи о окрестных людскихъ обычаяхъ и учении, или какихъ художествахъ*⁴⁸.

Наконец, последним выделяем самое обобщенное, одно из древнейших метафорических значений – ‘оболочка чего-л.’:

*4 стекла въ длину по 5 вершковъ, въ ширину по чети аршина. Да дюжинные въ золотыхъ кожахъ, розбитые и мыши поѣли*⁴⁹. *Что бы ево пронесло, масла бобкова обертя в киселной кожи, или в блинь, и дат в сытъ или в молоко проглотить*⁵⁰.

В этом значении имеется оттенок ‘упаковка’:

*Да зелья семь бочек, а весу в них по ярлыком з деревом, и с кожей, и с веревками шестьдесят пуд и тритцать пять гривенов*⁵¹.

Кроме того, в источниках СОРЯ встретились употребления слова *кожа* в качестве имен соб-

ственных – как название реки в Каргопольском уезде: *Волость что на рѣкѣ на Кожи съ верхнего конца*⁵² и как прозвище мужчины: *Житель Орла городка Гришка Кожа*⁵³. *Нанялись они Иванъ Кожа съ товарищемъ... везти запасъ въ Смоленскъ*⁵⁴. И если севернорусский гидроним, скорее всего, имеет финноугорское происхождение (река Кожа вытекает из Кожозера и впадает в Онегу у деревни Усть-Кожа), то мужское прозвище, безусловно, изначально было мотивировано одним из нарицательных значений этого слова. Остается сожалеть, что в текстах не содержится объяснений происхождения данного прозвища (как и многих других, очень интересных с точки зрения истории языка).

ДЕРИВАТЫ ЛЕКСЕМЫ

В словообразовательное гнездо лексемы *кожа* входили такие дериваты, как уменьшительные *кожица* и *коженка*, уничижительные *кожишка* и *кожишко*, синонимичное производящему в значении 3 слово *кожурина*, а также *кожан* ‘верхняя одежда из выделанной шкуры’ (с производным уничижительным *кожанишко*), *кожевня* ‘мастерская для обработки и выделки кож’, прилагательные *кожаный* и *кожный*, номинации *кожевник*, *кожаник*, *кожник* и *кожемяка* ‘кто выделывает кожи’, первое из этих имен дает микропоним *Кожевники* в разных городах Руси, параллель женского рода *кожевница*, глагол *кожевничать*, а также целый ряд прилагательных: *кожевников*, *кожевниковский*, *кожевницкий* и *кожевничский*, *кожевничий*, *кожевничный*, *кожевный*. Помимо перечисленных дериватов, от лексемы *кожа* образовано слово *кожух*, имеющее значения ‘верхняя одежда из шкур или меха животных’, ‘корпус, оклад,

футляр, оправа, ящик для чего-л.’, ‘вторая стена, защищающая основную стену города’, ‘свод над печью’, ‘ограждение, наружная обшивка плавающей печи’, ‘свод над мельничным водяным колесом’, ‘то, чем закрывают волоковое окно’, а также используемое в качестве некалендарного имени или прозвища мужчины. От существительного *кожух*, в свою очередь, образованы производные *кожушина*, *кожушок* и *кожушный*, от сущ. *кожемяка* – прилагательное *кожемяцкий*. При этом следует отметить, что многие дериваты (а не только лексема *кожух*) являются, как и само слово *кожа*, многозначными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы видим, что лексема *кожа* в разных своих значениях соотносилась с очень актуальными для Московской Руси понятиями, в результате чего количество дериватов с корнем *кож-* было довольно большим. Если сопоставить материалы СОРЯ с данными современного языка, то из описанных восьми значений лексемы *кожа*, бытовавших в языке конца донационального периода, актуальными остались три: ‘наружный покров тела человека и животных’, ‘выделанная шкура животного’ и ‘внешняя оболочка плода, семени; кожура’⁵⁵. Что касается дериватов этого слова и фразеологизмов с компонентом *кожа*, представленных в СОРЯ, то они по большей части не сохранились в современном языке. Это наблюдение еще раз доказывает актуальность тщательной семантизации материалов, заявленной Б. А. Лариным [5] в проекте Словаря и призванной создать наиболее полное и системное описание лексико-фразеологической системы языка старорусского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. А – Бязь. СПб., 2004. С. 47.
- ² Там же. С. 305.
- ³ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 3. Вор – Вящий. СПб., 2010. С. 164.
- ⁴ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 4. Гагара – Гуца. СПб., 2011. С. 132.
- ⁵ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 5. Да – Дотянуть. СПб., 2012. С. 77.
- ⁶ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 6. Доучиваться – Заехать. СПб., 2014. С. 324.
- ⁷ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 8. Земелька – Ильинский. СПб., 2018. С. 296.
- ⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 1. СПб., 1893. Т. 1. С. 1245.
- ⁹ Словарь древнерусского языка XI–XIV веков. Т. 1. М., 1988. Т. 11. М., 2019. (Издание продолжается). Т. 4. М. 1991. С. 234.
- ¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1. М., 1975. Вып. 31. М.; СПб, 2019. (Издание продолжается). Вып. 7. М., 1980. С. 218.

- ¹¹ Назиратель / Изд. подгот. В. С. Голыщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973. С. 512.
- ¹² Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899. С. 88.
- ¹³ Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1980. С. 142.
- ¹⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 273.
- ¹⁵ Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964. С. 45.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / Изд. подгот. С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1984. С. 214.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Записки Московского археологического института. Т. 14. М., 1911. С. 456.
- ²⁰ Там же. С. 198.
- ²¹ Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край... С. 182.
- ²² Акты исторические, собранные и изд. Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841. С. 391.
- ²³ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899. С. 113.
- ²⁴ Акты исторические, собранные и изд. Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 495.
- ²⁵ Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 97.
- ²⁶ Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 66.
- ²⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1842. С. 340.
- ²⁸ Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 97.
- ²⁹ Там же. С. 133.
- ³⁰ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998. С. 639.
- ³¹ Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012. 52 с.
- ³² Исламова Э. А., Галиуллин К. Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань, 2000. С. 108.
- ³³ Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 17.
- ³⁴ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 133.
- ³⁵ Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. // Изд-во Казанского государственного университета. 2008. С. 92.
- ³⁶ Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1850. С. 238.
- ³⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 206.
- ³⁸ Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 4. СПб., 1851. С. 29.
- ³⁹ Сидоренская Н. Д. Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г. Псков, 2010. С. 123.
- ⁴⁰ Назиратель... С. 258.
- ⁴¹ Там же. С. 222.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Проскинитарий Арсения Суханова / Под. ред. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889. С. 184.
- ⁴⁴ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 2. СПб., 2005. С. 67.
- ⁴⁵ Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975. С. 199.
- ⁴⁶ Хитрова В. И. Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии (Буквы З–К). М., 1989. С. 70.
- ⁴⁷ Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. (РИБ. Т. 21). С. 176.
- ⁴⁸ Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С. 126.
- ⁴⁹ Дела Тайного приказа... С. 287.
- ⁵⁰ Указ как лечит больных люди (рукопись ГИМ собр. Щукина № 290). С. 58.
- ⁵¹ Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 3.
- ⁵² Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 5. СПб., 1853. С. 482.
- ⁵³ Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. I. А–О. Пермь, 2010. С. 254.
- ⁵⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археограф. комис.; Под ред. Н. Калачева. Т. 2. СПб., 1864. С. 792.
- ⁵⁵ Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. К–О. М., 1986. С. 67.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–36.
2. Гауч О. Н. Наименование тканей в деловых документах второй половины XVIII века (на примере документов Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 28. № 37 (138). С. 21–27.
3. Горячкина Е. В. Названия материала для изготовления одежды в русском языке XI–XVII вв.: этимология, семантика // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 133–139.
4. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.
5. Смольников С. Н. Лексика кожевенного дела в «Словаре промысловой лексики северной Руси XV–XVII вв.» // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докладов межвуз. науч. конф. (Вологда, 13–15 октября 1998 г.) / Отв. ред. Е. П. Андреева. Вологда, 1998. С. 15–17.

Поступила в редакцию 13.09.2021; принята к публикации 22.04.2022

Original article

Olga V. Vasilieva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
barcarola@list.ru

LEXEME *LEATHER* AND ITS DERIVATIVES IN THE DICTIONARY OF THE EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA

Abstract. The purpose of the article is to demonstrate the methodology for describing semantics and phraseology in the historical explanatory dictionary using the material of the lexeme *leather* developed in the latest edition of the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Russia in the XVI–XVII Centuries. The numerous sources of the Dictionary and its concept of the completeness of the material description enables the authors to reflect the semantic and grammatical features of the vocabulary of the described period in detail, which makes each dictionary entry quite representative and reflects the novelty of the approach to the material. The word “skin” and its derivatives are recorded in the sources of the Dictionary in more than 570 documents and in about 30 stable combinations, which suggests that the described realities behind these words and phrases were quite relevant for Moscow Russia. The analysis of all the collected material gives an adequate representation of one of the aspects of Moscow Russia’s everyday life as well as one of the fragments of the lexical system of the Old Russian language.

Key words: lexeme *leather*, historical lexicology, historical lexicography, polysemy, phraseology, Dictionary of the Everyday Russian language of Moscow Russia

For citation: Vasilieva, O. V. Lexeme *leather* and its derivatives in the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):102–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.773

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. Word and meaning as a subject of historical and lexicological research. *Topics in the Study of Language*. 1995;1:5–36. (In Russ.)
2. Gauch, O. N. Names of fabric in business documents of the second half of the XVIII century (in the documents of the Tobolsk office of the State Archives of the Tyumen Region). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*. 2008;28(37):21–27. (In Russ.)
3. Goryachkina, E. V. Material name for making clothes in Russian language XI–XVII вв.: the etymology, semantics. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2013;2(23):133–139. (In Russ.)
4. Larin, B. A. Notes on the Dictionary of the Everyday Language of Moscow Russia. *Issues of theory and history of language*. St. Petersburg, 1993. P. 5–9. (In Russ.)
5. Smolnikov, S. N. Leatherworking vocabulary in the Dictionary of Commercial Vocabulary of Northern Russia in the XV–XVII Centuries. *Issues of Russian lexicology and lexicography: Proceedings of the interuniversity research conference*. Vologda, 1998. P. 15–17. (In Russ.)

Received: 13 September, 2021; accepted: 22 April, 2022